

С.Н. Булгаков

Душевная драма Герцена

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 101
ББК 87
С11

С11 **С.Н. Булгаков**
Душевная драма Герцена / С.Н. Булгаков – М.: Книга по Требованию, 2021. – 45 с.

ISBN 978-5-458-23725-3

Булгаков Сергей Николаевич (1871-1944) - русский философ, писатель, богослов, экономист. Окончил юридический факультет Московского университета. Герцен Александр Иванович (1812-1870) - философ, писатель и публицист, революционер. Книга "Душевная драма Герцена" посвящена философским размышлениям о вечности.

ISBN 978-5-458-23725-3

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2021

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2021

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первозданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

Герценъ самъ раскрываетъ эту храмину и зоветъ въ нее. Войдемъ сюда: здѣсь мы найдемъ много поучительнаго; быть можетъ, болѣе поучительнаго, чѣмъ въ десяткахъ ученыхъ и толстыхъ томовъ, чѣмъ во всѣхъ сочиненіяхъ самого Герцена.

Герценъ расскажетъ намъ о своихъ страстныхъ религіозныхъ исканіяхъ, о своихъ паденіяхъ, разочарованіяхъ, возрожденіяхъ; мы увидимъ, какъ со столами и проклятіями Герценъ ниспровергаетъ старыхъ своихъ боговъ, въ которыхъ потерялъ уже вѣру, какъ онъ блуждаетъ въ потемкахъ невѣрія, какъ снова набожно преклоняетъ свои колѣни. Религіозныя исканія этой огненной души, этого, по прекрасному выраженію Страхова, самосожигателя, который всю жизнь шелъ къ вождѣнной истинѣ, не устывая и не останавливаясь передъ внутренней ломкой, передъ сердечными ранами, полны для насъ высокаго поученія, имѣютъ въ извѣстномъ смыслѣ національное значеніе, и горько думать, что до сихъ поръ русскій народъ еще не имѣетъ своего Герцена (и если, послѣ десятковъ лѣтъ запретовъ, получилъ, наконецъ, то лишь въ искалѣченномъ, опозоренномъ цензорскимъ карандашемъ изданіи).

Раньше, чѣмъ говорить о томъ, что измѣнялось въ зрѣніяхъ Герцена, нужно указать, чему онъ былъ вѣренъ всю свою жизнь, нарисовать общій фонъ картины. И прежде всего слѣдуетъ отмѣтить тотъ основной фактъ, что Герценъ, котораго мы хотимъ представить здѣсь какъ религіознаго искателя, почти всю свою сознательную жизнь былъ и остался до конца ея атеистомъ. Атеизмъ Герцена, какъ мы увидимъ, есть ключъ къ пониманію всей его духовной драмы. Мы не беремся указать здѣсь всѣ причины атеизма у человѣка съ такими широкими религіозными запросами. Кромѣ общаго предубѣжденія къ религіи, какое только могла внушить и внушила ему официальная Россія и церковная казенщина, большое значеніе, на нашъ взглядъ, здѣсь имѣло воспитаніе, которое представляло самый отвратительный образчикъ барскаго религіознаго индиферентизма, трактованія религіи съ точки зрѣнія кодекса приличій, что, конечно, хуже самаго послѣдовательнаго атеизма ¹⁾. Заслу-

¹⁾ См. характеристику воспитанія въ «Быломъ и Думахъ». Собр. соч. т. VI, стр. 57—9. (Всѣ цитаты дѣлаются по заграничному изданію).

живаєть упоминанія, що къ Евангелію Герценъ всегда сохранялъ теплое чувство ¹⁾. Вообще же въ его сочиненіяхъ почти неизмѣнно выражается враждебное, даже злобное отношеніе къ христіанству, пониманіе котораго у него крайне скудно и одно-сторонне, основанное, главнымъ образомъ, на церковныхъ злоупотребленіяхъ, а не на истинномъ духѣ ученія. Порою у него можно встрѣтить даже бравирующее къ нему отношеніе, совершенно непонятное относительно ученія, которое выставляется, какъ отжившее заблужденіе.

Религіознымъ воззрѣніямъ Герцена соотвѣтствуютъ и его философскія воззрѣнія, составляющія фундаментъ первыхъ. О философскихъ воззрѣніяхъ Герцена нельзя говорить, конечно, въ смыслѣ стройной философской системы. Соотвѣтственно всему его психическому складу, воззрѣнія на міръ и жизнь имѣли для него цѣнность не какъ логическія построенія, не со стороны логической техники и стройности, а по преимуществу со стороны своего жизненнаго, практическаго значенія. Въ его сочиненіяхъ нельзя встрѣтить даже упоминанія о чисто теоретическихъ философскихъ проблемахъ, напр., изъ гносеологии; его интересы сосредоточиваются въ области нравственной, практической философіи. Проблемы Ивана Карамазова у Достоевскаго суть вмѣстѣ съ тѣмъ и проблемы Герцена. Если разсматривать воззрѣнія Герцена съ точки зрѣнія школьной философіи, то придется признать, что Герценъ совсѣмъ не былъ философомъ. Его разсужденія, ясности которыхъ нерѣдко прямо мѣшаєтъ изысканная образность его стиля, иногда переходящая даже въ реторику, порой поражаютъ своими явными противорѣчїями и произвольностью. Герценъ прошелъ хорошую фило-

¹⁾ «Евангеліе я читаль много и съ любовію, по-славянски и въ лютеровскомъ переводѣ. Я читаль безъ всякаго руководства, не все понималъ, но чувствовалъ искреннее и глубокое уваженіе къ читаемому. Въ первой молодости я часто увлекался вольтеріанизмомъ, любилъ иронию и насмѣшку, но не помню, чтобы когда-нибудь я взялъ въ руки евангеліе съ холоднымъ чувствомъ, это меня проводило чрезъ всю жизнь; во всѣхъ возрастахъ, при разныхъ событіяхъ я возвращался къ чтенію евангелія, и всякій разъ его содержаніе низводило миръ и кротость на душу» (Собр. соч., т. VI, 59).

софскую школу, ибо, будучи нѣкоторое время гегельянцемъ, прилежно изучалъ Гегеля. Но вліянія этой школы, кромѣ чисто внѣшнихъ особенностей стиля, совершенно не чувствуется въ Герценѣ, и та прямо компрометирующая легкость, съ которой Герценъ сбросилъ съ себя вліяніе Гегеля за чтеніемъ «*Wesen des Christenthums*» Фейербаха (любопытно, что совершенно то же самое произошло и съ Марксомъ и Энгельсомъ), краснорѣчиво свидѣтельствуетъ о поверхностномъ характерѣ этого вліянія. Самъ Герценъ не причислялъ себя къ сторонникамъ какой-либо опредѣленной философской доктрины, но его воззрѣнія можно характеризовать всего скорѣе какъ философію позитивизма,— не въ томъ смыслѣ, чтобы Герценъ былъ почитателемъ (или даже читателемъ) О. Конта (симпатіи его принадлежали скорѣе вульгарному естественно-научному матеріализму Фогта), но въ смыслѣ отрицанія всякой метафизики и признанія правъ лишь одного эмпиризма. Позитивизмъ въ этомъ смыслѣ — это безсознательная философія всѣхъ чуждыхъ философіи людей, философія «здраваго смысла», который вполне справедливо такъ не долюбивалъ Гегель. Основныя положенія позитивизма—отрицаніе правъ метафизики и религіозной вѣры — вполне раздѣлялъ Герценъ; гипертрофія здраваго смысла у Герцена вообще была истиннымъ его теоретическимъ несчастьемъ, какъ это указалъ уже Страховъ. Герценъ отрицалъ возможность бытія трансцендентнаго, и единственной реальностью для него былъ нашъ чувственно-осязаемый міръ. Далѣе этого онъ не имѣлъ никакой опредѣленной доктрины, и въ этомъ его основная особенность. Онъ качаетъ «своими діалектическими мышцами всѣ эти почтенные идолы, пугающіе слабыхъ», не во имя истины, какъ онъ ее понимаетъ, а «во имя логической свободы, во имя безпрепятственнаго мышленія, разбирающаго все, посягающаго на все» ¹⁾. Но если воззрѣнія Герцена не представляютъ самостоятельнаго интереса какъ философское ученіе, отъ этого они не теряютъ своего значенія какъ психическія переживанія, какъ умственное настроеніе. Для того, чтобы опредѣлить дѣйстви-

¹⁾ См. чрезвычайно интересный «Отвѣтъ русской дамѣ» въ «Колоколѣ» отъ 15 апрѣля 1859 года. Перепечатано въ собраніи избранныхъ статей изъ «Колокола». 1887, стр. 132.

тельную силу философскаго ученія, нужно его не только построить, но и пережить, причемъ при переживаніи нерѣдко открываются новыя стороны этого ученія. Это имѣетъ силу, по крайней мѣрѣ, относительно всѣхъ проблемъ практической философіи, которыя интересовали Герцена, а для глубокаго переживанія ея ученій Герценъ имѣлъ всѣ данныя—логическую смѣлость, искренность, любовь къ правдѣ. Съ философскимъ радикализмомъ онъ не останавливался предъ самыми крайними выводами, доводилъ до самого крайняго предѣла всѣ заключенія, которыя можно сдѣлать изъ его философскихъ посылокъ,—позитивизма и атеизма.

II. Разочарованіе въ Западѣ.

Въ человѣка вложена способность къ «святому недовольству» (по прекрасному выраженію поэта) какъ собой, такъ и окружающей средой и стремленіе къ постоянному усовершенствованію. Чѣмъ выше на нравственной и психической лѣстницѣ стоитъ человѣкъ, тѣмъ болѣе развито въ немъ это «святое недовольство», и, наоборотъ, оно замолкаетъ лишь потопленное въ животной природѣ человѣка, для котораго поэтому нѣтъ ничего пагубнѣе, нѣтъ ничего низменнѣе самодовольства. Много было даваемо различныхъ опредѣленій человѣку: и ζῷον πολιτικόν, и toolmaking animal, но истинной демаркаціонной чертой, отдѣляющей человѣческое отъ животнаго, является недовольство существующимъ и стремленіе къ лучшему будущему. Въ этомъ стремленіи обнаруживается истинная духовная родина человѣка,—религіозная идея, съ дивной художественной красотой выраженная въ Лермонтовскомъ «Ангелѣ».

Возможность стремленія къ усовершенствованію необходимо предполагаетъ и совершенство, какъ тотъ идеальный масштабъ, съ которымъ сравнивается несовершенное настоящее. Безъ предположенія существованія такого совершенства мы не можемъ даже мыслить усовершенствованія. Идея совершенства, такимъ образомъ, дана намъ вмѣстѣ съ стремленіемъ къ усовершенствованію. Абсолютное совершенство есть Божество, и Оно открывается намъ, слѣдовательно, въ самомъ основномъ стремленіи нашей жизни.

Но, говоря такимъ образомъ, мы предрѣшаемъ уже цѣлый рядъ спорныхъ вопросовъ, даемъ уже готовую «теорію прогресса», ибо спорный вопросъ, вопросъ всѣхъ вопросовъ, и заключается въ томъ, гдѣ искать этого совершенства, на «небѣ» или на «землѣ», въ области эмпирической или религіозной? Достигимъ ли въ эмпирии этотъ идеалъ или же недостижимъ, и потому движеніе къ нему бесконечно?

Идеалистическая метафизика и религіозныя ученія отвѣчаютъ на этотъ вопросъ отрицательно. Абсолютнаго, въ томъ числѣ и абсолютнаго совершенства, не дано въ «опытѣ». «Міръ во злѣ лежитъ» — таково одно изъ самыхъ основныхъ положеній христіанскаго ученія. Въ прощальной бесѣдѣ Христосъ училъ учениковъ не быть, какъ «міръ». Извѣстный пессимизмъ, отрицаніе «міра» во имя высшаго идеала, составляетъ необходимое свойство всякаго метафизическаго и религіознаго ученія, прозрѣвающаго за этимъ міромъ бытіе абсолютное, сверхмірное начало. Борьба двухъ началъ, добра и зла, неустранима изъ «міра», т. е. эмпирической дѣйствительности.

Но этотъ пессимизмъ есть во всякомъ случаѣ оптимопессимизмъ, онъ даетъ мѣсто относительному оптимизму, оставляетъ возможность непрерывнаго и бесконечнаго прогресса. Именно абсолютность и, слѣдовательно, недостижимость идеала и является лучшей гарантіей бесконечности движенія къ нему. Христіанство, несмотря на свой исходный пессимизмъ, даетъ абсолютную заповѣдь усовершенствованія: будьте совершенны, какъ Отецъ вашъ Небесный совершенъ есть. Основнымъ стремленіемъ историческаго человѣчества оно полагаетъ осуществленіе Царствія Божія на землѣ. Несмотря на признаніе, что основная особенность міра есть отсутствіе любви (см. прощальную бесѣду), оно даетъ заповѣдь любви, этотъ міръ отрицающей. Христіанство открываетъ тѣмъ самымъ перспективу бесконечнаго, не только личнаго, но и общественнаго усовершенствованія, въ какой бы особенной исторической формѣ стремленіе къ нему ни выражалось (и, слѣдовательно, необходимо объемлетъ и теперешнее демократическое и соціалистическое движеніе, стремящееся къ осуществленію заповѣди любви въ общественныхъ отношеніяхъ).

Итакъ, съ точки зрѣнія идеалистической метафизики и положительнаго религіознаго ученія, абсолютный идеалъ совер-

шенства недостижимъ въ опытной, эмпирической дѣйствительности, на долю которой остается безконечное къ нему движеніе; онъ имѣетъ въ этомъ смыслѣ значеніе не цѣли въ узкомъ смыслѣ слова, а регулятивнаго принципа. Поэтому прогрессъ безконеченъ, но ни одна изъ его стадій не можетъ быть принята за окончательную и абсолютную.

Не такъ представляется это дѣло для тѣхъ, кто принципиально отвергаетъ самую область трансцендентнаго, для кого вообще нѣтъ «неба», а есть только «земля». Само по себѣ это отрицаніе не въ состояніи и у нихъ загасить огонь Прометея, стремленіе къ абсолютному совершенству, но въ силу этого отрицанія они должны искать идеаль совершенства въ области эмпирическаго бытія, въ рамкахъ пространства и времени, т. е. въ опредѣленномъ мѣстѣ въ данный моментъ.

«Wir wollen hier auf Erden schon
Das Himmerreich errichten»,

какъ съ наивной откровенностью заявляетъ въ извѣстномъ стихотвореніи Гейне. Безъ положительнаго идеала совершенства обойтись не могутъ и позитивисты, ибо безъ этого идеала прогрессъ невозможно отличить отъ всякаго другого движенія: прогрессъ есть не просто движеніе, а движеніе къ опредѣленной цѣли, при чемъ эта цѣль мыслится какъ эмпирически достижимая. Неизбѣжнымъ слѣдствіемъ философіи позитивизма и атеизма является поэтому представленіе о такомъ предѣльномъ пунктѣ движенія, который воплощаетъ уже всю полноту совершенства. Но такое представленіе, очевидно, противорѣчиво, ибо оно предполагаетъ, съ одной стороны, развитіе нравственнаго самосознанія, которое въ силу этого развитія все болѣе удаляется отъ состоянія самодовольства или просто довольства, а съ другой стороны, ростъ такого самодовольства. Такимъ образомъ, философія эта необходимо ведетъ къ противорѣчивому *утопизму*. Типичнѣйшимъ примѣромъ утопизма подобнаго типа является представленіе современнаго социалдемократизма о *Zukunftstaat'*ѣ. Поскольку социалдемократизмъ является и атеизмомъ, *Zukunftstaat* въ той или иной формѣ есть его необходимый атрибутъ, ибо онъ заполняетъ недостающую область трансцендентнаго. При этомъ совершенно безразлично, какъ сама

опредѣляетъ себя данная доктрина: она можетъ называть себя научнымъ социализмомъ и дѣйствительно заключать въ себѣ серьезное научное содержаніе, представленіе о *Zukunftstaat*’ѣ, имѣющее въ себѣ неустрашимые элементы утопизма, является для нея совершенно необходимымъ. Соціальный утопизмъ происходитъ, такимъ образомъ, изъ незаглушимой религіозной потребности духа и является поэтому необходимымъ спутникомъ всякой доктрины, при чемъ остается безразличнымъ особенное содержаніе утопіи въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ, будетъ ли это представленіе о «государствѣ будущаго», или о сверхчеловѣкѣ, или комбинація того и другого представленія и т. д.

Легко понять, что смѣшеніе областей трансцендентнаго и эмпирическаго не проходитъ безнаказанно для утопистовъ. Отсутствие правильной духовной перспективы ведетъ къ тому, что предметы представляются словно въ кривомъ зеркалѣ, естественная нетерпѣливость, стремленіе ускорить наступленіе такъ долго медлящаго *Zukunftstaat*’а мѣшаютъ трезвому пониманію дѣйствительности. Между позитивизмомъ и соціально-политическимъ утопизмомъ есть, если не логическая, то психологическая связь, такъ же точно, какъ есть она между идеализмомъ и соціально-политическимъ реализмомъ.

Въ нашей литературѣ есть весьма интересный художественный образъ утописта—правда, не въ политикѣ, а въ любви—въ лицѣ *Донъ-Жуана* Алексѣя Толстого. Сатана такъ объясняетъ свой коварный умыселъ относительно Донъ-Жуана:

«Любую женщину возьмемъ, какъ данный пунктъ:
Коль кверху продолжимъ ея мы очертанье,
То наша линія, какъ я уже сказалъ,
Прямехонько въ ея упрется идеалъ,
Въ тотъ чистый прототипъ, въ тотъ образъ совершенный,
Для каждой личности заранѣ припасенный.
Я этотъ прототипъ, незримый никому,
Изъ дружбы покажу любимцу моему.
Пусть въ каждомъ личикѣ, хоть нѣсколько годящемъ,
Какое бы себѣ онъ ни избралъ,
Онъ вмѣсто копіи все зритъ оригиналъ,
Послѣдній выводъ нашъ въ порядкѣ восходящемъ.
Когда-жъ захочетъ онъ, моимъ огнемъ палимъ,

Въ объятіяхъ любви найти себѣ блаженство,
Исчезнетъ для него видѣнье совершенства,
И женщина, какъ есть, появится предъ нимъ.
И пусть онъ бѣсится. Пусть ловить съ вѣчной жадой
Все новый идеалъ въ объятіяхъ дѣвы каждой!
Такъ съ волей пламенной, съ упорствомъ на челѣ,
Съ отчаяньемъ въ груди, со страстію во взорѣ,
Небесное Жуанъ пусть ищетъ на землѣ
И въ каждомъ торжествѣ себѣ готовить горе».

Мы указали уже, что для утопизма характерно не содержаніе представленія объ идеалѣ само по себѣ, а самая чрезмѣрность идеализаціи, потребность мыслить извѣстное состояніе какъ абсолютное совершенство. Идеаломъ въ относительномъ смыслѣ является для насъ достиженіе всякой недостигнутой еще цѣли, къ которой мы стремимся въ данный моментъ, напр., достиженіе приличной демократической конституціи. Но такой относительный идеалъ, конечно, отличается отъ того абсолютнаго идеала, которымъ является утопія. Дѣло идетъ именно о томъ психологическомъ привкусѣ, о тѣхъ очкахъ, черезъ которыя смотритъ на міръ человѣкъ въ зависимости отъ того, какъ онъ рѣшилъ для себя основные вопросы бытія. Можно, поэтому, говорить не столько объ утопіи, сколько объ утопическомъ отношеніи къ представленіямъ: представленіе о цѣляхъ, вполне несбыточныхъ или ошибочныхъ, тѣмъ не менѣе можетъ не содержать въ себѣ ничего утопическаго, между тѣмъ какъ представленія о цѣляхъ вполне осуществимыхъ могутъ быть болѣе или менѣе сильно окрашены въ цвѣта утопизма (я лично держусь именно такого мнѣнія относительно современныхъ представленій о социализмѣ).

Сказаннаго достаточно, чтобы понять первый актъ душевной драмы Герцена—его разочарованіе въ Западѣ. Въ 40-хъ годахъ, передъ поѣздкой за границу, Герценъ былъ уже атеистомъ; оставаясь при этомъ религіозной натурой, онъ тѣмъ самымъ необходимо сдѣлался и утопистомъ. Условія, при которыхъ складывался утопизмъ русскаго общества 40-хъ годовъ (они въ своихъ существенныхъ особенностяхъ не устранены и до сихъ поръ), были чрезвычайно своеобразны. Главное чувство, объединявшее всѣхъ русскихъ людей того времени, было отвраще-

ніе къ официальной Россіи, къ бюрократическому абсолютизму. Крѣпостное право, всевозможныя полицейскія стѣсненія, вся обстановка Николаевского режима заставляла лучшихъ людей Россіи задыхаться, и извѣстно, что задыхающемуся человѣку нѣтъ ничего дороже воздуха, и исполнѣ естественно, если онѣ цѣнить живительныя способности этого воздуха больше, чѣмъ онѣ суть въ дѣйствительности. И чѣмъ больше мракъ сгущался на родинѣ, тѣмъ напряженнѣе вперялся взоръ въ ту обѣтованную страну, гдѣ нѣтъ всего того, отъ чего страдаетъ Россія, гдѣ жизнь течетъ вольно, гдѣ воздухъ доступенъ для всѣхъ, гдѣ нѣтъ уже полицейскаго абсолютизма. Такимъ образомъ возникаетъ или, лучше скажемъ, выдавливается въ русской душѣ вѣра въ Западъ, сохраняемая нашимъ обществомъ еще и до настоящаго времени.

Естественно, что при такихъ условіяхъ о знаніи дѣйствительнаго Запада, каковъ онѣ есть, а не какимъ его хочетъ изстрадавшаяся русская душа, не можетъ быть и рѣчи. Вѣра въ Западъ является исполнѣ утопической и имѣетъ всѣ признаки религіозной вѣры. Западъ, какъ религіозная проблема,—странное и дикое словосочетаніе, а между тѣмъ такъ дѣло дѣйствительно обстояло у насъ весь XIX вѣкъ. Это хорошо понималъ Герценъ, который говорилъ, что «мы вѣримъ въ Европу, какъ хрістіане вѣрятъ въ рай» ¹⁾. Западъ являлся настоящимъ Zukunftstaat'омъ для русскихъ. Расцвѣчая свой идеаль всѣми красками непрерывно распаляемой фантазіи, мы, конечно, составляли при этомъ представленіе объ Европѣ завѣдомо фальшивое, завѣдомо невѣрное. И эта ошибка объясняется при первомъ же столкновении съ Европой. Но пусть лучше объ этомъ расскажетъ намъ самъ Герценъ:

«Намъ дома скверно. Глаза постоянно обращены на дверь, запертую—и которая открывается понемногу и изрѣдка. Ъхать за границу мечта каждаго порядочнаго человѣка. Мы стремимся видѣть, осязать міръ, знакомый намъ изученіемъ, котораго великолѣпный и величавый фасадъ, сложившійся вѣками, съ малолѣтства поражалъ насъ... Русскій вырывается за границу въ ка-

¹⁾ Собр. соч. VIII, 362.

комъ-то опяніи—сердце настезь, языкъ развязанъ—прускій жандармъ въ Лауцагенѣ намъ кажется человѣкомъ, Кенигсбергъ свободнымъ городомъ. Мы любили и уважали этотъ міръ заочно, мы входимъ въ него съ нѣкоторымъ смущеніемъ, мы съ уваженіемъ попираемъ почву, на которой совершалась великая борьба независимости и человѣческихъ правъ.

Сначала все кажется хорошо и при томъ, какъ мы ожидали; потомъ мало-по-малу мы начинаемъ что-то не узнавать, на что-то сердиться—намъ не достаетъ пространства, шири, воздуха, намъ просто неловко; со стыдомъ прячемъ мы это открытие, ломаемъ прямое и откровенное чувство и прикидываемся закоснѣлыми европейцами—это не удается.

Напрасно стараемся мы придать старческія черты молодому лицу, напрасно надѣваемъ выношенный узкій кафтанъ, кафтанъ рано или поздно порвется и *варваръ* со стыдомъ является съ обнаженной грудью, краснѣя своего неумѣнья носить чужое платье. Знаменитое *grattez un Russe et vous trouverez un barbare* — совершенно справедливо».

«...Дѣло въ томъ, что мы являемся въ Европу со своимъ собственнымъ идеаломъ и съ вѣрой въ него. Мы знаемъ Европу книжно, литературно, по ея праздничной одеждѣ, по очищеннымъ, перегнаннымъ отвлеченностямъ, по всплывшимъ и отстоявшимся мыслямъ, по вопросамъ, занимающимъ верхній слой жизни, по исключительнымъ событіямъ, въ которыхъ она не похожа на себя. Все это вмѣстѣ составляетъ свѣтлую четверть европейской жизни. Жизнь темныхъ трехъ четвертей не видна издали, вблизи она постоянно передъ глазами»¹⁾.

Съ утопией, обращенной въ будущее, можно спокойно прожить цѣлый вѣкъ, ибо утопизмъ извѣстныхъ представленій здѣсь нельзя установить непосредственно, онъ можетъ быть выясняемъ только путемъ отвлеченнаго мышленія. Утопію же, которая помѣщается въ извѣстномъ пунктѣ пространства, провѣрить очень легко, — стоитъ туда только съѣздить. Для Герцена достаточно было поѣздки за границу, чтобы сразу разочароваться въ Западѣ. Цѣлый рядъ сочиненій, начиная съ «Писемъ изъ Франціи

¹⁾ Собр. соч., IV, 386—7.